

БЕЛА КУН

Задачи компартии в борьбе с социал-демократией

БОЛЬШЕВИК**1932 № 17–18**

I

XII пленум ИККИ констатировал *конец относительной стабилизации капитализма*. Это означает, что мы находимся в периоде перехода к новому туру *революций и войн*.

С точки зрения разрешения основной ближайшей задачи компартий, заключающейся в завоевании большинства рабочего класса и в подготовке решающих боев за власть, огромное значение имеет вопрос о *тактике социал-демократии и реформистских профсоюзов в новых условиях*, созданных концом стабилизации капитализма, и особенно вопрос о применяемых сейчас социал-демократией широких «левых» маневрах.

Опыт показывает, что всякое колебание социал-демократии и реформистских профсоюзов вызывает известные колебания и среди неустойчивых оппортунистических элементов в рядах компартий. Выяснение этих колебаний и решительная борьба с ними является безусловной необходимостью для успешного разгрома массовой базы социал-демократии.

Каковы принципиально важнейшие проблемы, определяющие нашу дальнейшую тактику в борьбе против социал-демократии? Речь идет в первую очередь о следующих вопросах:

1. Является ли социал-демократия по-прежнему главной социальной опорой буржуазии?
2. Как повлияло выступление на сцену фашизма на дальнейший процесс фашизации социал-демократии: задержало ли оно этот процесс или нет?
3. Может ли социал-демократия превратиться в подлинную антифашистскую силу и в чем заключается ее так называемый антифашизм?
4. Являются ли «левые» маневры социал-демократии препятствием на пути к образованию единого фронта рабочего класса или, напротив, факторами, способствующими созданию этого фронта?

Вопрос о том, остается ли социал-демократия по-прежнему главной социальной опорой буржуазии, встал особенно в связи с выступлением фашизма в Германии и установлением фашистской диктатуры правительства Папена—Шлейхера, оттеснившего социал-демократию на задний план и усилившего ее роль как так называемой оппозиции. Отдельные оппортунистические элементы в рядах КПГ сделали из факта этой «оппозиции» вывод о приостановке процесса фашизации социал-демократии и тем затушевывали ее роль в деле

Настоящая статья представляет сокращенную речь т. Бела Куна на XII пленуме ИККИ. — *Ред.*

расчищения пути к фашистской диктатуре как средству капиталистического выхода из кризиса, роль сутобо опасную для рабочего класса как раз на нынешнем этапе развития.

В 1921 году после III конгресса Коминтерна Ленин в обращении к германским коммунистам писал: «...без опоры внутри пролетариата (через буржуазных агентов 2 и 2 ¹/₂ интернационала) буржуазия в Западной Европе и Америке удержат власть не в состоянии».

Из этого определения со всей очевидностью вытекает, что социал-демократия — независимо от того, является ли она правительственной партией или нет, — представляет собой *главную социальную опору* буржуазной диктатуры. В этом заключается историческая роль социал-демократии с тех пор, как свержение капиталистической системы стоит в порядке дня, а социал-демократия мешает рабочему классу выполнить эту задачу, пуская в ход методы Носке или «левых» социал-демократов.

Это признавали открыто даже многие социал-демократы. Так, например, бывший лидер венгерской социал-демократии Сигизмунд Кунфи констатирует, что венгерская социал-демократия, оказавшаяся в 1919 году лицом к лицу перед угрозой пролетарской революции, могла существовать, лишь «выполняя роль Носке». Боясь слишком скомпрометировать себя в глазах рабочих масс, венгерская социал-демократическая партия, по словам Кунфи, сделала предложение коммунистам объединиться с ними и совместно взять власть. Историческая ошибка венгерской компартии заключалась в том, что она не поняла контрреволюционной роли социал-демократии даже после объединения, при существовании советской власти. Социал-демократия организовала буржуазно-демократическую контрреволюцию против пролетарской диктатуры и расчистила путь для фашизма. Все партийные документы венгерской социал-демократии совершенно откровенно и с полным бесстыдством говорят об этой роли венгерских социал-демократов.

Недавно некий *Итало Тодеско* выступил в теоретическом органе германской социал-демократии «Гезельшафт» с покаянной статьей, в которой он пишет, что итальянская социал-демократия вынуждена была капитулировать перед фашизмом только потому, что в результате давления рабочих масс она «не оказалась способной» служить интересам буржуазии *по методу Носке*, как это делали германские социал-демократы, и тем самым «отказалась сама от права на существование в качестве самостоятельной партии».

Так называемая оппозиция социал-демократии нисколько не меняет того факта, что социал-демократия является главной социальной опорой буржуазии. Беря под сомнение этот основной тезис, мы должны были бы усомниться и в том, что пролетариат является единственно последовательным революционным классом и что империалистическая эпоха является эпохой пролетарской революции. Роль социал-демократии как главной социальной опоры буржуазии заключается именно в том, что она *связывает в эпоху пролетарской революции силы единственного последовательно-революционного класса*, дезорганизует их и, раскалывая рабочий класс, ускоряет и маскирует при помощи лживых маневров рост фашизма и установление фашистской диктатуры. Если бы социал-демократия не имела никакого влияния в рядах рабочего класса и была бы связана не с рабочим классом, а с отдельными группами и слоями буржуазии, то она тогда не была бы главной социальной опорой, а просто одним из оплотов буржуазной диктатуры.

Фашизм как массовое движение мог бы стать главной социальной опорой буржуазии, если бы он сумел завоевать такие же позиции в рабочем классе, какие имеет социал-демократия, и подобно ей разлагать и связывать *изнутри* силы пролетариата.

Но этого нет и в Италии, где социал-демократия как партия отсутствует на легальной арене и ведет жалкое существование. Подавление революционной борьбы итальянского пролетариата фашизмом производится *извне* при помощи фашистского аппарата насилия и террора; изнутри это в значительной мере проводится (хотя бы и косвенно) при помощи социал-демократической идеологии, которая все еще жива в сознании некоторых слоев итальянского пролетариата. Эта идеология находит свое отражение в демократических иллюзиях, которые еще сильны в рядах итальянского пролетариата.

Так как часто ссылаются на итальянский пример, как на доказательство того, что в фашистском государстве не социал-демократия связывает изнутри революционные силы рабочего класса, то мы приведем некоторые цифровые данные. Социал-демократ профессор Геллер пишет о выборах фабзавкомов, происходивших в Италии в 1925-м, на четвертом году фашистской диктатуры:

«Выборы принесли огромное большинство социалистам и отчасти даже коммунистам. На предприятии Баукьеро в Кондове 745 рабочих голосовали за социалистических кандидатов и 41 — за фашистских. На предприятии Савильяно 326 человек голосовали за социалистов, а фашисты получили всего лишь один голос. На автомобильном заводе Спа социалисты получили 374 голоса, остальные нефашистские кандидаты получили 137 голосов. На заводе Фиат коммунисты получили 4740 голосов, социалисты — 4463, фашисты — 760 и католики — 390» (Геллер. Европа и фашизм. Берлин, 1929 г.).

Социал-демократия связывала и разлагала *изнутри* революционные силы итальянского рабочего класса, мешала революционному выступлению коммунистов и таким образом, даже будучи преследуемой, выполняла для итальянской буржуазии свою роль главной социальной опоры ее диктатуры.

Задержало ли выступление фашизма на сцену процесс фашизации социал-демократии как партии? Остановило ли оно этот процесс?

Совершенно ясно, что социал-демократические массы и рабочие, идущие за социал-демократическими лидерами, не фашизировались и не фашизируются вместе со своей партией. Именно поэтому они сейчас частично покидают и будут еще больше покидать в будущем социал-демократию. Именно поэтому вспыхнул и все более усиливается кризис в рядах социал-демократии и созревает кризис в реформистских профсоюзах Германии.

О чем говорит итальянский пример? Что показывает пример Д'Арагона, Ригони и других профсоюзных лидеров, открыто поддерживающих фашизм? Что показывают последние переговоры Муссолини с итальянской социал-демократией и ее лидерами, находящимися в эмиграции? Они показывают, что процесс фашизации социал-демократии не прекращается даже в классической стране фашизма. Разве социал-демократические партии не принимали участия в фашистских правительствах Болгарии и Венгрии? *Победа фашизма нисколько не приостановила процесса фашизации социал-демократии.*

Нужно действительно судить социал-демократию по ее словам, а не по ее делам для того, чтобы сделать вывод, будто выступление фашизма и установление фашистского режима задерживает или даже вовсе приостанавливает процесс фашизации социал-демократии.

Обратимся к *Германии*. Германский фашизм развивается, проявляя крупные и чрезвычайно интересные противоречия. Эти противоречия также наводят некоторых товарищей на размышления, что правительство Папена нельзя, мол, рассматривать, как фашистскую диктатуру, что только диктатура, возглавляемая Гитлером, представляла бы собою открытую диктатуру буржуазии. Эти противоречия, проявляющиеся в процессе фашизации Германии, являются отчасти результатами противоречий интересов мелкой и крупной буржуазии. Интересы различных слоев крупной буржуазии не тождественны. В частности, противоречия интересов аграрного и промышленного капитала обостряются с каждым днем, хотя правительство Папена делает громадные усилия к их «объединению». В то же время крупный капитал не склонен передать власть в руки Гитлера, прежде чем национал-социалистическое движение не освободится от своих так называемых социалистических черт, как это сделал, например, Муссолини со своим республиканизмом, когда итальянская буржуазия во главе с королем открыла его бандам путь в Рим. В результате этого противоречивого процесса вопрос стоит не о том, имеем ли мы открытую диктатуру буржуазии или нет, а о том, через посредство каких социальных слоев, под какими лозунгами буржуазия должна осуществлять свою диктатуру. Только на этой почве могут возникать такие парадоксальные явления, когда национал-социалисты играют роль защитников той самой Веймарской конституции и парламентаризма, которые они завтра хотят и формально ликвидировать и действительно ликвидируют, если придут к власти. Таким же парадоксом является и то, что председатель рейхстага национал-социалист Геринг не допустил снятия государственного черно-красно-золотого флага в парламенте, несмотря на то, что уже приготовлены новые фашистские флаги.

Правительство Папена является одной из форм фашистской диктатуры. Это — правительство, которое обладает, хотя и не в вполне развитой форме, всеми решающими элементами открытой фашистской диктатуры буржуазии.

Мнение, будто фашизация германской социал-демократии была задержана или даже приостановлена выступлением на сцену фашизма, тесно связано с социал-демократической оценкой положения в Германии, будто правительство Папена не является фашистской диктатурой буржуазии и будто фашизм в Германии мыслим *лишь* при том условии, если Гитлер будет рейхсканцлером или президентом Германии.

Подобное воззрение дает социал-демократии возможность скрывать свою собственную фашизацию и свое приспособление к фашизму. Так, например, председатель социал-демократической фракции прусского ландтага Гейльман в органе германской социал-демократии «Форвертс» на этих днях писал:

«Есть ли кто-нибудь, кто мог бы нас еще сегодня критиковать за то, что мы противопоставили его (т. е. Гинденбурга) Гитлеру в качестве защитника конституции, что мы добились его избрания?»

Это пишет Гейльман, который уже во время войны выдвинул лозунг: «Мы (социал-демократы) должны пойти к Гинденбургу». Он готов даже скомпрометировать своих коллег для того, чтобы доказать, что правительство Папена вовсе не представляет собою фашистскую диктатуру буржуазии. Он пишет:

«Командные позиции в Пруссии были потеряны 24 апреля в результате решения народа, а вовсе не 20 июля. Никто не считал посты министров в ушедшем кабинете командными позициями, меньше всего товарищи, занимавшие эти посты... *Товарищи Зеверинг и Гримм неоднократно просили фракцию и*

партию разрешить им подать в отставку, как это уже сделал Отто Браун» (курсив мой. — Б. К.).

Это — не только защита правительства Папена, но и попытка перебросить прямой мост к национал-социалистам в целях сотрудничества с ними. Само собой разумеется, что эта попытка начинается с «защиты Веймарской конституции и парламентаризма».

Гейльман хочет такой фашистской диктатуры, которая терпела бы присутствие социал-демократических бонз в государственном аппарате, за что социал-демократия, со своей стороны, готова «терпеть» эту диктатуру. Он откровенно высказывает то, о чем его коллеги пока еще молчат:

«Может быть, президент республики собирается оставить правительство Папена у власти. Всякое подлинно надпартийное чиновничье правительство, честно желающее без всякой зависимости от какой-либо партии (значит и от парламента!), без какого-либо пристрастия или ненависти *поднять авторитет государства и улучшить экономическое положение*, могло бы сделать эту попытку в качестве такого президентского кабинета» (курсив мой. — Б. К.).

«Президентский кабинет» — это плохой немецкий перевод открытой фашистской диктатуры буржуазии — с устранением парламентской системы. Нет сомнения, что германская социал-демократия будет всемерно «терпеть» подобный «президентский кабинет» (ведь Гейльман является одним из влиятельнейших представителей партии!). Орган бельгийской социал-демократии «Пепль» уже писал об этом немедленно после образования правительства Папена. Это, однако, является новым шагом па пути дальнейшей фашизации социал-демократии после установления фашистской диктатуры.

Социал-демократия формулировала в свое время свое отношение к правительству Брюннинга, издававшему антирабочие чрезвычайные декреты и устранившему парламент, следующими словами: «диктатура для демократии». Так гласило пресловутое обоснование поддержки правительства Брюннинга со стороны председателя германской социал-демократической партии Вельса. После установления в Германии фашистской диктатуры «демократию» уже не привлекают для обоснования диктатуры буржуазии. Диктатура должна теперь, по словам Гейльмана, осуществляться исключительно «в интересах государственного авторитета и улучшения экономического положения» против рабочего класса, а не в интересах пресловутой «демократии». Большинство итальянских и польских социал-демократов также упрекает свои фашистские правительства в том, что они не в состоянии «поддерживать авторитет государства» и улучшить положение капитализма. Таким образом, ответ на вопрос, приостановило ли установление фашистской диктатуры процесс фашизации социал-демократии, может быть найден лишь на основе изучения новейшего и прежнего опыта «деятельности» социал-демократии.

Приверженность социал-демократии к буржуазному государству и ее ненависть к пролетарской революции не знают границ. Эта приверженность к буржуазному государству и в конечном счете к фашистской форме и методу правления направлена против пролетарской диктатуры и революции. В период, когда пролетарская революция непосредственно угрожает существованию капитализма и господству буржуазии, когда буржуазия, по существу, уже не может маневрировать между двумя формами диктатуры — демократической и фашистской — и все больше применяет фашистские методы правления, вопрос для социал-демократии сводится не к выбору между буржуазной демо-

кратией и фашизмом, а к выбору между фашизмом и пролетарской диктатурой. *Социал-демократия выбирает фашистскую диктатуру, изображая ее как «меньшее зло» по сравнению с пролетарской диктатурой.*

Социал-демократия является — по классической формулировке Ленина — *буржуазной рабочей партией*. Ее социальной основой является рабочая аристократия. Судьбы рабочей аристократии как особенно привилегированного слоя в рядах рабочего класса тесно связаны с судьбами капитализма. Социал-демократия как буржуазная рабочая партия, как партия рабочей аристократии связана на жизнь и на смерть с капитализмом и господством буржуазии. *Она должна идти по пути, избираемому буржуазией для спасения своего господства от пролетарской революции, идти по пути фашизма и пройти его до конца.*

II

Опыт показывает, что этот процесс фашизации социал-демократии проходит в весьма противоречивой *форме*. Эти противоречия в процессе фашизации объясняются тем, что *социальной основой* социал-демократии является рабочая аристократия, в то время как ее массовая основа все еще состоит из значительных элементов квалифицированных и неквалифицированных рабочих, которых отнюдь нельзя отождествить с рабочей аристократией.

Главный стратегический удар должен быть направлен в течение всего периода подготовки пролетарской революции против социал-демократии как главной социальной опоры диктатуры буржуазии. При этом необходимо с тактической точки зрения различным образом подходить к борьбе с социал-демократией и фашизмом.

Формально противоречивый, а по существу единый процесс развития фашизации социал-демократии вызвал два формально противоречивых, но по существу взаимно дополняющих друг друга оппортунистических воззрения о *взаимоотношениях между фашизмом и социал-демократией*. Согласно первому воззрению социал-демократия является *антифашистской силой* или может таковой стать. Это мнение особенно распространилось с тех пор, как германская социал-демократия перешла в «оппозицию» к правительству Папена. Согласно второму воззрению *социал-демократия тождественна с фашизмом*. И не случайно немало товарищей, которые еще недавно придерживались первого ошибочного мнения, прямо отождествляли социал-демократию с фашизмом, сейчас повернули на 180° и явно или тайно изображают социал-демократию в качестве «борца» против фашизма. В то же время отождествление социал-демократии с фашизмом затрудняет не только завоевание социал-демократических рабочих и рабочих, входящих в реформистские союзы, но во многих случаях приводит к тактическим ошибкам, нашедшим свое отражение, например в ряде случаев в рядах КПГ, в пренебрежении борьбой с фашизмом. Не подлежит сомнению, что нельзя было бы установить открытую фашистскую диктатуру буржуазии без соответствующего социал-демократического влияния на рабочий класс. Это относится и к Италии, несмотря на значительное различие социально-экономической структуры Германии и Италии. По отношению к пролетарской революции социал-демократия и фашизм представляют один лагерь. Но разве из этого следует тождественность социал-демократии и фашизма? Разве из этого не следует, что борьбу с фашизмом не нужно вести при помощи особых средств или методов? Конечно нет!

Различия между фашизмом и социал-демократией объясняются прежде всего различием их массовой основы. *Массовая основа социал-демократии* все еще состоит в первую очередь, несмотря на рост числа мелкобуржуазных членов партии, из рабочих и в особенности из членов реформистских союзов. *Массовая основа фашизма* состоит главным образом из городской и деревенской мелкой буржуазии. Рабочих сравнительно немного в рядах фашизма, причем дело идет главным образом о безработных или деклассированных элементах.

Социал-демократия опирается на *парламентско-демократические предрассудки* идущих за ней рабочих слоев. Фашизм опирается на *настроения отчаяния* мелкого собственника, которые сильны особенно среди мелкой буржуазии в результате того, что буржуазная демократия и парламентская система оказались неспособны разрешить жизненные вопросы этих слоев населения.

Из этого следует, что социал-демократия предпочла бы бороться с пролетарской революцией средствами буржуазной демократии, т. е. в первую очередь при помощи парламентского обмана, что далеко не исключает применения средств насилия буржуазного государства. Социал-демократия предпочла бы бороться с пролетарской революцией, не высказываясь *открыто* за буржуазную диктатуру, так как основные массы, идущие за ней, хотя бы даже самые отсталые, предпочтут открытой диктатуре буржуазии пролетарскую диктатуру. Поэтому социал-демократические лидеры не выступают открыто за диктатуру, и редко можно встретить такого социал-демократического вождя, который открыто повторил бы слова Бернштейна: «Если бы мне пришлось выбирать между фашизмом и пролетарской диктатурой, то я остановился бы на фашизме».

Как обстоит дело с *борьбой между социал-демократией и фашизмом*?

Из классового содержания социал-демократической политики, сводящейся к защите капитализма от пролетарской революции, вытекает, что между социал-демократией и фашизмом нет *классовой борьбы*. Это, однако, не мешает обеим партиям, защищающим капитализм, вести друг с другом своего рода *конкурентную борьбу*. Социал-демократия конкурирует с фашизмом в борьбе за массы рабочего класса и мелкой буржуазии. Она старается усилить свою массовую основу для того, чтобы буржуазия в борьбе за самое существование капитализма предпочла прибегнуть к ее услугам, а не к услугам фашизма, или, по крайней мере, не отдавала бы слишком большого предпочтения фашизму перед социал-демократией, как это делают, например, некоторые слои крупной буржуазии в Германии.

Представитель Всегерманского объединения профсоюзов АДГБ* Фуртвенглер отрицал факт переговоров с представителем Гитлера Грегором Штрассером. Однако не подлежит сомнению, что если между реформистскими лидерами и гитлеровским фашизмом не будет заключено соглашения, то это не будет виной лидеров профсоюзного объединения.

Социал-демократия как партия никогда не выступала в решающих случаях в качестве антифашистской силы. Вспомним о соглашении между итальянскими социал-демократами и Муссолини, в заключении которого принимал участие и теперешний лидер итальянской социал-демократии Пьетро Ненни. Вспомним о соглашении, заключенном между Хорти совместно с графом

* Реформистское объединение профсоюзов.

Бетленом и венгерской социал-демократией, на основании которого социал-демократия обязалась отказаться от организации железнодорожников и батраков. В Югославии, где правительство не терпит существования даже буржуазной оппозиционной партии, социал-демократическая партия является единственной, которой великосербская фашистско-милитаристская диктатура дает возможность легальной работы.

Социал-демократия никогда и нигде не была антифашистской силой, и «антифашизм» социал-демократии вытекает не из классовой борьбы, а из конкурентной борьбы за предпочтительное отношение со стороны буржуазии в передаче социал-демократам защиты интересов капитализма от пролетарской революции.

Тем не менее необходимо различным образом подходить к борьбе с социал-демократией и фашизмом. Компартия Германии, ведя свою борьбу против фашизма, стремится создать, вопреки социал-демократической партии и реформистской профбюрократии, единый антифашистский фронт рабочего класса.

Колебания, сводящиеся к стремлениям устранить из нашей борьбы «излишнее усердие, проявляемое в травле социал-демократов», и «перехлестывание в борьбе с социал-демократией» являются не чем иным, как *отражением влияния социал-демократии*. Коммунистические партии не сделали многого, что необходимо было бы сделать в борьбе с социал-демократией, для того, чтобы превратить антифашистские настроения среди социал-демократических и реформистских рабочих в сознательную пролетарско-революционную боевую решимость. Коммунистическая партия есть и остается даже в ожесточеннейшей борьбе с фашизмом той *принципиальной антисоциал-демократической партией*, которая ни на минуту не может забыть, что у рабочего класса имеются особые задачи как в борьбе против фашизма, *так и в борьбе против социал-демократии*. Таким образом, «антифашизм» социал-демократии не должен никого вводить в заблуждение.

Один делегат на венском конгрессе II интернационала правильно и цинично охарактеризовал «антифашизм» и «антикапитализм» социал-демократии в следующих словах:

«Капитализм обязан *предоставить социал-демократии его спасать*. Горе ему, если он этого не сделает!»

III

Такое значение имеет и так называемый «социализм» социал-демократии, «левые» ее маневры.

Следующие факты заставляют социал-демократию пойти на приспособление своей тактики и агитационных методов к новым условиям:

1. Сдвиги, происшедшие в рабочем классе в период мирового экономического кризиса и назревания революционного подъема и предпосылок революционного кризиса.

Снижение жизненного уровня значительной части рабочей аристократии в результате колоссальной безработицы в рядах членов профсоюзов, а также вследствие падения зарплаты (как это показывают, например, статистические данные германского союза металлистов и типографских рабочих) имело результатом сужение социальной и массовой основы социал-демократии и реформистских профсоюзов.

Одновременно с этим развитие кризиса и классовой борьбы привели к усилению массового влияния компартий в целом ряде стран, и в первую очередь в Польше, Германии, Болгарии, а также к стихийному протесту рабочего класса против политики социал-демократии, причем эти массы далеко еще не охвачены целиком политическим влиянием компартий.

Для характеристики этого положения приведем данные из социал-демократических источников.

Орган Всегерманского профсоюзного объединения «Гёверкшафтсцейтунг» писал немедленно после парламентских выборов в Германии:

«Наше предположение о возможностях дальнейшего роста национал-социалистов основывается, правда, на предпосылке, что левое крыло и центр сохраняют свою устойчивость, которую они уже успели проявить. Эта предпосылка должна однако оказаться правильной. *Что касается левых, то можно даже предполагать, что их вербовочная сила вырастет при том политическом курсе, которого следует ждать. Об этом уже говорит выигрыш, достигнутый коммунистами*» (курсив мой. — Б. К.).

Лидер русских меньшевиков Дан пишет в австрийском журнале «Кампф» об «уроках выборов в рейхстаг»:

«Прирост голосов коммунистов оказался почти везде большим, чем прирост, достигнутый социал-демократами. Социал-демократии, по всей видимости, не удалось проникнуть в ряды пролетариата, которые благодаря ее же агитации ушли от националистов и через головы социал-демократов повалили к коммунистам... *Отказ — без борьбы — от прусской командной позиции, по-видимому, зародил в сознании широких рабочих слоев сомнения по поводу действенности прежних социал-демократических методов борьбы, а последние чрезвычайные указы вызвали возмущение и революционные настроения, на основании которых эти рабочие слои нашли наиболее правильным отдать свои голоса партии, которую даже контрреволюция выставляет как якобы “единственную революционную партию”*» (курсив мой. — Б. К.).

Орган ППС «Роботник» пишет о росте влияния польской компартия:

«Правительство недостаточно сильно для того, чтобы выступить против коммунизма. Наши правительства становятся постоянно все “сильнее”, но и коммунизм непрерывно крепнет. Можно положительно сказать, что чем “сильнее” становятся правительства “оздоровления”, тем сильнее становится и коммунизм».

Яснее всех высказывается Вандервельде о росте возмущения в рядах рабочего класса, заставляющем социал-демократию идти на «левые» маневры. Он пишет в своей статье об уроках бельгийской стачки:

«Это означало бы плохо знать бельгийскую рабочую партию, если бы мы полагали, что она не сделает все необходимое для извлечения соответствующих уроков из забастовки. В первую очередь важно то, что *массы, входящие в ряды социалистической партии, проявляют все меньшие склонности к политике компромисса и реформистского сотрудничества с буржуазными партиями*» (курсив мой. — Б. К.).

2. Форсированная фашизация методов и форм правления буржуазии в целом ряде капиталистических стран привела к тому, что реформистская профбюрократия и социал-демократические вожди маневрируют и в вопросах экономической борьбы.

В последнее время участились случаи, когда реформистская профбюрократия пытается примазаться к стачечникам, когда видит, что без забастовочной борьбы не обойдется. Участие социал-демократических лидеров и реформистских бонз в правительствах буржуазных государств социал-демократы обосновывали тем, что зарплата рабочего превратилась в послевоенное время в «политическую зарплату», как это формулировал Гильфердинг на кильском съезде социал-демократической партии в своем обосновании «хозяйственной демократии» и «организованного капитализма». Это значит, что размер зарплаты зависит не от борьбы рабочего класса с капиталом, а от торга, который должны вести политические партии и профсоюзные лидеры в парламенте и его кулуарах. Эта теория явилась принципиальным обоснованием для штрейкбрехерской профсоюзной тактики социал-демократии в вопросах зарплаты. Однако рабочий класс, включая и тех рабочих, которые входят в реформистские союзы, срывает на практике эту открыто штрейкбрехерскую тактику. Это обстоятельство заставляет профбюрократию еще больше, чем раньше, маскировать свою штрейкбрехерскую роль и все чаще делать вид, будто она участвует в забастовочном движении вплоть до возглавления ряда экономических стачек. Это является также одним из методов, при помощи которых социал-демократы хотят доказать буржуазии, что она не может без них обойтись.

3. Наконец, начавшаяся империалистическая война и перерастание ее в мировую войну и вооруженную интервенцию против СССР является *третьим* крупным политическим фактом, заставляющим социал-демократию идти на «левые» маневры. Постановления последнего пленума исполкома II интернационала о войне на Дальнем Востоке ясно об этом говорят. Давление широчайших рабочих слоев, выступающих против империалистической войны и все в большей мере выражающих свои симпатии к Советскому Союзу, заставило II интернационал занять позицию *формального нейтралитета* в случае вооруженной интервенции против СССР и даже болтать о «защите» Советского Союза. Прения, предшествовавшие принятию резолюции, говорят о том, что этот маневр, призванный замаскировать участие социал-демократии в подготовке войны и интервенции, был проведен с большими затруднениями. Гильфердинг заявил же, что победа СССР в борьбе с империалистической Японией явилась бы ударом по социал-демократии. Ренодель протестовал против резолюции, так как, по его мнению, она не рассматривает Лигу Наций с социал-демократической точки зрения как орудие мира. Только стремление социал-демократических рабочих масс к миру и симпатии широчайших слоев трудящихся к СССР заставили лидеров II интернационала принять резолюцию, которая призвана лживо уверить эти массы в том, что социал-демократические партии будут бороться с предстоящей империалистической войной. Мы хорошо знаем цену подобных деклараций. Но это не значит, что и массы их достаточно правильно расценивают. Этого надо добиться нашей работой.

Кульминационный пункт в области «левых» маневров социал-демократии был достигнут, когда социал-демократы и реформистская профбюрократия, перешедшие в «оппозицию», сделали своим очередным лозунгом «социализм».

Этот «социализм» социал-демократии был в прошлом году сформулирован на венском конгрессе II интернационала в программной статье одного из покойных вождей австромарксизма Фридриха Аустерлица. Он перелицевал, как

портной, пресловутые слова Бернштейна: «цель — ничто, движение — все», и писал:

«Социализм уже стал выполнимым, и из периода великих мечтаний он переходит в период непосредственного выполнения. Будем питать эту величайшую в мире идею с тем энтузиазмом и страстностью, которые она заслуживает, — идею того, что социализм уже у наших дверей. Наша задача заключается в том, чтобы эти двери широко раскрыть для идеи, сводящейся к тому, что цель — это все».

Не говоря уже о том, что социал-демократия шантажирует буржуазию этим «социализмом», используя его в целях вымогательства, истинный смысл этого «социализма» заключается в новой попытке обмануть рабочий класс. Вновь применяются те методы, которыми пользовалась социал-демократия в первые послевоенные годы, когда она провозглашала «наступление социализма» и обрела тысячи бойцов за социализм на смерть.

Этот «социализм» социал-демократии является попыткой удушить частичные бои рабочего класса против наступления капитала. Обострение классовой борьбы выражается и в том, что забастовки и движение безработных начинают все в большей мере и во все большем количестве стран сопровождаться явлениями гражданской войны. При этих условиях социал-демократии выгоднее обещать всеобщую забастовку, не связывая себя сроком, или даже провозгласить под своим руководством эту забастовку, превращая ее в «демонстративную» короткую стачку, чем иметь дело с настоящей революционной всеобщей стачкой или с революционной массовой частичной борьбой, руководимой коммунистами. Об этом говорят всеобщие забастовки, бывшие весной этого года в Польше и Венгрии.

Пропаганда *абстрактного* социализма, связанная с фактической поддержкой любого выступления против пролетарской революции, является также методом борьбы с растущим влиянием *конкретного* социализма в СССР на широчайшие трудящиеся слои.

Наконец, эта пропаганда так называемого «социализма» должна вновь поднять в глазах рабочего класса упавший престиж буржуазной демократии.

Социал-демократия и реформистская профбюрократия всюду поддерживают диктатуру в защиту буржуазной демократии и всюду стоят на том, что буржуазная демократия является единственным средством для установления социализма.

IV

Можно ли рассматривать эти «левые» маневры социал-демократии как средство для установления единого фронта рабочего класса? Напротив. Эти маневры коммунисты должны использовать для умелого усиления кампании разоблачения социал-демократии. Можно и нужно поймать маневрирующих социал-демократических лидеров на их словах, можно от них требовать в профсоюзах и на их массовых собраниях, чтобы они боролись за задачи, о которых они говорят перед рабочими массами, и таким образом их разоблачать.

Было бы, однако, *опасным оппортунистическим смешением слов и дел социал-демократии*, если бы мы считали, что «левые» маневры являются средством для развертывания подлинных массовых выступлений. Социал-демократия уже раз во время революционного кризиса, наступившего после войны,

пошла настолько далеко, что признала на словах диктатуру пролетариата для того, чтобы легче расколоть, разложить и разгромить единый фронт рабочего класса в его борьбе за диктатуру пролетариата.

«Левые» маневры представляют для с.-д. в теперешнем периоде перехода к новому циклу пролетарских резолюций и империалистических войн важнейший метод агитации, призванный не допустить образования единого фронта рабочего класса. Эти маневры должны создать у революционирующихся рабочих представление, будто социал-демократия превращается из буржуазной рабочей партии в классовую партию пролетариата, которая расходится с компартией «лишь в некоторых тактических вопросах». «Левые» маневры сами по себе не ускоряют процесс революционирования рабочих масс, как это некоторые думаю, а, напротив, ослабляют пробуждающееся классовое сознание рабочих, все еще находящихся под социал-демократическим и реформистским влиянием, и таким образом мешают созданию единого фронта рабочего класса в его борьбе с наступлением капитала, фашизмом и империалистической войной. Эти «левые» маневры направлены против растущего стремления рабочих масс к совместным боевым наступлениям, они должны превратить это стремление в вульгарную болтовню о едином фронте и тем самым парализовать волю к созданию этого фронта.

Это яснее всего видно сейчас в Германии. Различные программы «социализации», распространявшиеся германской социал-демократией и Всегерманским профсоюзным объединением, сыграли большую роль в разоружении германского рабочего класса, бурно стремящегося к единому боевому фронту, перед лицом наступающего фашизма. Несмотря на то, что многие демократически-парламентские иллюзии в рядах германского рабочего класса уже рассеялись, эти программы «социализации» удерживают многих рабочих от непосредственной внепарламентской борьбы с буржуазией. Они сеют в сознании многих рабочих иллюзии, будто реформистские профсоюзы, несмотря ни на что, все же являются в качестве широчайших рабочих организаций подлинными органами единого фронта рабочего класса и поэтому нужно ждать, когда Всегерманское профсоюзное объединение найдет нужным приостановить все колеса и объявить политическую массовую забастовку. Австрийская социал-демократия уже не раз показала, как можно при помощи «наилейших» массовых выступлений затормозить переход революционных выступлений рабочего класса на высшую ступень и перевести их в «более мирное русло».

Однако в то же время эти «левые» маневры не могут — при правильной тактике коммунистов — задержать революционирование рабочего класса. Дело именно в правильной тактике единого фронта, когда коммунисты, борясь плечо к плечу с социал-демократическими рабочими, на практике разоблачают лживость «левых» маневров социал-демократии и доказывают, что единственно левой партией пролетариата является компартия. «Левые» маневры не спасут социал-демократию. Они отражают ее кризис, надвигающуюся гибель.

Никакие, даже самые «левые» фразы социал-демократии не могут устранить тот факт, что установление единого фронта рабочего класса, завоевание его большинства для революционной борьбы, его мобилизация для политических массовых забастовок и руководство решающими боями рабочего класса за диктатуру пролетариата возможны лишь при условии не ослабления, а, напротив, обострения борьбы с *социал-демократическими партиями и реформистской профбюрократией*. Некоторые тенденции к ослаблению борьбы

с социал-демократией и реформистской профбюрократией, основанные на уже описанной неправильной оценке роли социал-демократии и ее «левых» маневров в новой ситуации, заслуживают серьезнейшего внимания, так как они могут стать особенно опасными. Эти тенденции сказываются в ряде партий, как, например, в швейцарской и польской. Сказываются они и в том, что в борьбе с фашизмом забывают о социал-демократии, как это иногда бывало в Германии. Нужно решительно бороться с этими правооппортунистическими настроениями.

В настоящий момент большую помощь оказывают социал-демократии и различные теории и теориейки, главным образом, в области профсоюзной работы, которые под «левым» покровом нередко срывают мобилизацию и завоевание членов реформистских профсоюзов для единой борьбы рабочего класса. Организованную массовую основу социал-демократии образуют главным образом реформистские профсоюзы. Социал-демократия создает себе массовую пролетарскую основу внутри реформистских профсоюзов, причем далеко не все пролетарии, образующие эту основу, относятся к рабочей аристократии, как проповедует теория, говорящая, что нам нечего искать в реформистских профсоюзах, так как они будто бы являются сборными пунктами для рабочей аристократии, теория, отождествляющая квалифицированных рабочих с рабочей аристократией, теория, доказывающая необходимость разгрома реформистских профсоюзов, представляющих собою якобы «школы капитализма». Революционное рабочее движение должно быть очищено от этих теорий.

Крупные недостатки имеются и в наших методах борьбы с социал-демократией. Приведем несколько примеров.

Во-первых, подмена убеждения социал-демократических рабочих одной лишь руганью социал-демократии, причем многие коммунисты думают, что при помощи одной этой ругани они могут убедить социал-демократических рабочих. Нужно признать, что мы со своей стороны весьма слабо вооружаем идейными средствами борьбы с социал-демократией тех товарищей, которые сталкиваются с массами социал-демократических рабочих и членами реформистских профсоюзов.

Для редакций наших газет и журналов все, что касается социал-демократии, постоянно кажется чем-то совершенно ясным и само собой разумеющимся для широких масс. Штрейкбрехерство социал-демократии и профбюрократии, открытое отречение от социализма, — все это само собой разумеется и не требует доказательства для масс, как и попытки примазаться к забастовочным боям реформистской профбюрократии, и маневрирование «социализмом»; участие социал-демократии в подготовке империалистической мировой войны и вооруженной интервенции против СССР является для наших редакций чем-то совершенно простым и ясным для всех, как и последняя цюрихская резолюция с ее изощренным маневрированием, призванным обмануть массы. Неудивительно, если во многих случаях наша печать ограничивается одной лишь руганью, вместо того чтобы обращаться к доказательствам.

Это сейчас тем более необходимо, что социал-демократия со своими «левыми» маневрами вступила на путь, на котором ей неизбежно придется вести перед социал-демократическими рабочими принципиальный спор с коммунистами. Большие принципиальные вопросы о путях к социализму, т. е. о демократии и диктатуре, становятся теперь злободневными вопросами широчайших масс, борющихся с наступлением капитала, и в том числе широких

социал-демократических масс. Для этого принципиального спора с социал-демократическими рабочими и членами реформистских профсоюзов необходимо, чтобы мы ознакомили всех членов партии и симпатизирующих рабочих со всем идеологическим арсеналом ленинизма.

Сейчас особенно выдвигается на первый план задача — суметь увязать частичные требования, выдвигаемые в экономических боях пролетариата, с общеклассовыми задачами. Частичные бои являются сейчас великолепной школой, в которой рабочий класс может получить наглядные уроки о социал-демократии. Одновременно с этим мы должны тщательно регистрировать *дела* социал-демократических лидеров в классовой борьбе, давать им правильную оценку и разъяснять на основе этих дел широким массам рабочего класса истинную роль социал-демократии и ее «левых» маневров. Все *три сферы деятельности* в классовой борьбе: экономическая, политическая и теоретическая — должны стать ареной принципиальной борьбы с социал-демократией для того, чтобы мы смогли путем убеждения на основании фактов завоевать большинство рабочего класса.

Новая ситуация, создавшаяся в результате конца относительной стабилизации капитализма, обязывает нас поднять всю нашу массовую работу на уровень подготовки к грядущим великим боям.

Таким образом, во всей нашей тактике и работе нужно уделить *гораздо больше внимания и гораздо больше места* задачам борьбы с социал-демократией и реформистской профбюрократией, чем это было до сих пор. Не может быть успешной борьбы за диктатуру пролетариата без ликвидации влияния социал-демократических партий и реформистской профбюрократии на широчайшие рабочие массы. Тем более теперь это стало задачей дня, ибо при переходе к новому циклу войн и революций *нужно не только бороться, но и победить в борьбе за диктатуру пролетариата.* ◆